

Автор: Лев Кадкин

Книга: Воробьиный юг

Рассказ: Жестокая ошибка

Жила у нас в клетке канарейка – птица певчая, благородная. Для сына завели, мол, пусть научится за живностью ухаживать. Ведь должен же он о ком-то заботиться: в клетке почистить, накормить, воды поставить. Вот этим он и занимался, не без нашей, конечно, помощи.

По утрам, как заглянет к нам солнышко, так начинает канарейка коленица выводить, да так весело и красиво – заслушаешься.

Весной-то птица веселее поёт. Сами знаете, в природе это время особое. Под тёплым солнцем каждая былинка оживает, тем более птица с голосом.

А тут зима. Не успеет день световую силу набрать, как уже на закат потянуло. В комнате сумрак гнетёт. И наша канарейка опомниться не успеет, а уже ко сну собираться пора. В пасмурный день-то и настроение пасмурное. От того и поёт она редко. Разве только когда небо немного просветлеет, да радостные лучи ненадолго в окно заглянут. Время-то не стоит на месте, по солнцу день движется. Пережили мы, значит, зимнюю стужу, погода смягчилась. И как почувствовала канарейка, что дни на прибыль пошли, да солнце почаще к нам в квартиру заглядывать стало, у неё и голосу прибавилось.

Как бы певунья не пела, а всё одна. Не с кем ей душу потешить, радостью поделиться. Скучно ей без пары, да тем более в неволе. Тут заметил я одну синичку. К окошку прилетела. Зима-то она холодная и голодная. Птицам трудно в эту пору. А выжить, ох, как хочется. Вот она и летает к домам – в поисках пищи.

Ну, и надумали мы с сыном поймать её: «Нашей певунье одной в клетке одной тоскливо. Вдвоём как-никак веселее будет» – решили мы.

Смастерили ловушку. Поставили её на подоконник, с уличной стороны. На следующий день уже пойманную синичку подсадили к канарейке.

Напрасной была наша затея. Как только синичка оказалась в клетке, пугливая певунья забралась в верхний угол на перекладину и с тревогой стала следить, что вытворяет зелёная незнакомка. А та, оказавшись в неволе, даже не замечала свою соседку: металась по клетке, стараясь выбраться из неё. Мы подсыпали ей и зёрнышек, и конопляных семечек, и репей, припасённый с осени для канарейки. И водички подливали в чашечку, но всё безрезультатно. На все лакомства синичка не обращала никакого внимания. В надежде вырваться на волю она буквально билась и кидалась в каждую

дырку. Все наши усилия успокоить и удержать её от попыток вырваться из клетки были безуспешными.

В одном месте, между стенкой и проволокой, ей удалось протолкнуть свою голову, но дальше пролезть не смогла. Расстроенный, я даже не стал помогать ей выбраться из проёма. И сына попросил, чтобы не подходил к ней. А сам махнул рукой: «Ну и трепыхайся, коль не хочешь спокойно сидеть. Вон канарейка, на что птица талантливая, а никуда не рвётся, сидит себе спокойно. Ей тут сытно и не холодно, и бояться никого не надо. Когда у неё настроение хорошее, то и песни поёт. Ей весело, и нам приятно. А ты вот какая-то неугомонная. Помайся немножечко. Может, успокоишься».

Не стал я больше ничего ей говорить. отошли мы в сторону и наблюдаем, что дальше будет. А сынишка стоит и рассуждает:

– Вот птица, непоседа. Не нравится ей клетка. Волю любит.

Посмотрел я на сынишку, ничего не сказал, а просто подумал: «Канарейка против синички – настоящая интеллигентка. Словно в пансионе благородных птиц воспитание получила. Не мешает синичке метаться в клетке. Смирно сидит».

Пригляделся я к ней и всё понял: она, оказывается, боится буйной синички. Сжалась в комочек, словно к стенке прилипла. А зелёная узница и не думала сдаваться. Она каким-то образом сумела развернуться спиной к стенке, упёрлась лапками в проволоку и, напрягаясь всем телом, помогала себе крылышками.

Но каково было моё удивление, когда синица оказалась за пределами клетки. Порхая по комнате, билась в окно, стремясь вылететь на волю. Нам удалось поймать её, чуть-чуть успокоить и водворить на место.

Опомнившаяся канарейка снова забилась в угол и испуганно поглядывала на неудачливую беглянку, которая сразу же нашла то место, откуда вылезла в первый раз. Всё повторилось сначала. Тут мы поняли, что синичка – это вовсе не та пичуга, которую за тёплое место и сытный корм можно удержать в клетке. И чтобы она не погибла или не разбилась, мы открыли окно. Птичка выпорхнула из комнаты.

Наш эксперимент – завести подружку для канарейки – не удался. Но обиднее было то, что после того случая наша красавица почти перестала петь. Редкий раз нам удавалось услышать её голос. Да и песни её нам казались грустными. В них уже не было прежнего азарта и веселья.

Давно растаял снег. Прилетели птицы с юга. Скворцы, обжившие скворечники, проявляли заботу о своём потомстве. Уже ласточки весело щебетали, рассаживаясь отдохнуть на телеграфных проводах. Солнечные дни радовали нас и природу своим теплом. Я уже забыл про синичку. И вот однажды, придя домой, я увидел пустую клетку. Заметив моё недоумение, сын сказал:

– Это я выпустил её. На улице столько радости для птичек, а она в клетке. Ей трудно петь за решёткой, когда за окном свобода и солнце. Мне стало жалко её. Ну, я и...

Я всё понял. Мне было приятно, что маленькое сердце почувствовало страдание крошечной птички, которую мы держали в плену ради своего удовольствия. Я похвалил его за благородство. Но в то же время вынужден был огорчить, сказав правду о совершённой нами ошибке, чтобы не повторить её снова:

– А ведь сынок, мы погубили птичку.

Обрадованный было мальчик недоверчиво взглянул на меня.

Не удивляйся. Мы совершили ошибку ещё тогда, когда поймали её и посадили в клетку. Ради забавы и своего удовольствия мы лишили её свободы.

– А разве ей плохо было у нас? – спросил он.

– Нет, конечно, мы кормили, поили её. Но свобода для всех, и даже для птиц, дороже сытности. Вспомни, как синичка металась в клетке, чтобы обрести волю.

Сын мотнул головой. Я продолжил:

– Ведь и канарейка после синички перестала веселиться. Она словно поняла, что с ней поступили несправедливо. Хотя и привыкла к нам. Но самое плохое то, что мы отпустили её на волю, на погибель.

Мальчик непонимающе заморгал глазами. Он почувствовал, что одно противоречит другому.

– Но, папа, ты же сам сказал, что птицам нужна свобода. Им там лучше, – он указал рукой за окно, – чем в клетке.

– Я бы тоже хотел так думать, сынок. Но в данном случае для нашей канарейки – уже нет.

– А почему?

– Птица, долгое время прожившая в неволе на всём готовом, перестаёт заботиться о пище. Оказавшись на просторе, не сможет найти корм и погибнет от голода. К тому же в неволе её никто не беспокоил. В клетке у неё не было врагов. Она не чувствовала опасности и стала доверчивой. А вот на воле она должна быть очень осторожной, потому что там у неё очень много врагов. Жаль, но ей не избежать острых когтей хищника. В любом случае наша птичка вряд ли выживет. Лучше было бы, если бы она осталась в клетке.

На глазах мальчика навернулись слёзы.

– Я же не хотел, чтобы она погибла. Я же её пожалел, – всхлипывал он.

– Понимаю, сынок. Что сделано, что сделано. Канарейку уже не найдёшь и не поймашь. Совершённую ошибку никак не исправить. Такова жестокая правда природы. Когда мы вмешиваемся в её пределы, она не прощает нам ошибки и мстит за неразумность.

Вырос сын. Было у него много игрушек, но живых больше не заводили. Часто ходили на природу. Радовались пению птиц. Но никогда не говорили о нашей канарейке. Зачем вспоминать грустное?

